

Бой Добрыни и Дуная

Ай да первая поездка да молодецкая,
Хоробра была поездка да молодецкая,
Да не видели побезку да лошадиную,
Только видели: в чистом поли курева стоит,
Курива стоит, дак дым столбом валит.
Выежжал ле тут Добрыня на чисто полё,
Он брал-то ле трубоцьку подзорную,
Осмотрел на четыре да на дальни стороны,
Он смотрел-де под сторону под западну —
Там стоят-де топере да лесы темныя;
Он смотрел-де под сторону под северну —
Там стоят-де топере да леденны горы;
Он смотрел-де под сторону восточную —
Там стоит дак и наш да стольнёй Киев-град;
Он смотрел-де под сторону под летную —
Он завидел в чистом поле черной шатёр,
Он черной-де шатёр, да чернobarхатной.
Думучись-то Добрынюшка роздумалсе:
«Как у нашего царя было у белого,
У наших-то руських богатырей,
Кабы были ле шатры белополотнены,
Тут стоит ноньце черной, да чернobarхатной».
Приеждял тут Добрыня ко черну шатру,
Привезал он коня да ко сыру дубу,
Заходил-то Добрыня да во черной шатер,
Розоставлены столы тут белодубовыя,
Розоставлены вёдра да зелена вина,
Розоставлены бадьи да с медом сладкиим,
Розоставлена посуда да все хрустальняя,
Тут лежал-де ярлык, да скоро грамота:
«А кабы кто ноньце в моём шатру попьёт-поес,
Как попьёт-де, поес, право, покушает,
Не уехать живому из чиста поля».
А оттуль же Добрыня да поворот даёт,
Он поехал назад да в стольнёй Киев-град,

Доезжал-то Добрыня до Несей-реки,
Он поил-де коня да во Несей-реки,
Думучись-то Добрынюшка роздумалса:
«Я приеду теперь да в стольнёй Киев-град,
Кабы станут богатыри да спрашивать,
Кабы станут же руськие выведывать,
Уж я што им скажу, што поведаю?
То не чесь мне хвала молодецкая».
Как оттуль же Добрыня поворот даёт,
Приездял-то Добрыня да ко черну шатру,
Привезал он коня да ко сыру дубу,
Заходил тут Добрыня да во черной шатёр,
Он напилса, наелся, тут накушался,
Приломал он тут посудушку хрустальную,
Приломал он-де вёдра ' зеленым вином,
Приломал он бадьи да с мёдом сладкиим,
Розрывал он тут да весь черной шатёр,
Розбросал он шатёр да по чисту полю.
Он лёжился тут спать да на сыру землю.
Как о ту же о пору, о то времицько
Приездял тут Дунай да из чиста поля,
Он завидел свой шатёр не по-старому:
Вся приломана посудушка хрустальная,
Все приломаны вёдра с зеленым вином,
Все приломаны бадьи с медом сладкиим,
Весь розорванной его да черной шатёр.
Как увидел он Добрыню на сырой земле,
Вынимал-де он сабельку булатную,
Он хотел-то срубить да буйну голову,
Думучись-то ле сам дак призадумалсе:
«Как сонного-то губить, дак ровно мёртвого,
То не чесь будёт хвала да молодецкая,
А не выслуга будет да богатырская».
Розбудил он Добрынюшку Микитица,
Хватилисе они дратца на рукопашецьку,
Они билисе-дрались да трои сутоцьки.
Как о ту нынцце о пору, да о то время
Кабы стар ле казак да Илья Муромець
Выезжал стар казак да во чисто полё

Как со тем же Олёшинькой Поповицом.
Говорит стар казак дак Илья Муромець:
«Ой ты ой есь, Олёшинька Поповиць брат!
Слезывай ты тепериця со добра коня,
Припадай-ко к земле да юхом правым,
Не стуцит ле де-ка матушка сыра земля,
Не дерутца ле где руськие богатыри:
Кабы два ноньце руських, дак помирить надо,
Кабы два ноньце неверных, дак прогонить надо,
Кабы руськой с неверным, дак пособить надо».
Припадал-то Олёша да ухом правым:
«Как не где нонь не стуцит да мать сыра земля».
Как скакал-то старой да со добра коня,
Припадал он ко матушке сырой земле —
Там стуцит ле ведь матушка сыра земля,
Да под той же сторонушкой восточной;
Как прямой-то дорогой ехать месяцы,
Выезжал-то стар казак да ровно в три часа.
Закричал стар казак да зычным голосом:
«Уж вы ой еси, удалы добры молодцы!
Вы об цём деритесь, дак об цём ратитесь?
Разве на земли-то стало да нынцце юзко вам?
Кабы дó неба-то стало да ноньце низко вам?»
Они-то ноньце дерутса, не варуют,
Они пуще дерутса, пуще ратятса.
Да скакал-де старой дак со добра коня,
Он хватал-де обех ноньце в охабоцьку:
«Ох вы ой еси, удалы да добры молодцы!
Вы об цём нынцц деритесь, да об цём ратитесь?»
Кабы стал ему Дунай ноньце высказывать:
«Я ведь за морём ноньце жил, да за синиим,
Я за синиим жил за Варальскиим
У того же я Семёна Лиховитого,
Я ведь три года жил да ровно в конюхах,
Да и три года жил да, право, в стольниках,
Да и три года жил я в поннощычках,
Да прошло же тому времю ровно деветь лет,
Я ведь выжил всю посудушку хрустальнюю,
Я выжил ле вёдра да ' зеленым вином,

Я выжил ле бадьи да с мёдом сладкиим,
Да я выжил ле столы белодубовыя,
Да и выжил шатёр да чернбархатной.
Захотелось мне-ка ехать во свою землю,
Во свою ле землю, ноньце на родину,
Я поехал нонь топере да во свою землю,
Выездял я топерь да на чисто полё,
Я поставил свой шатёр да на чисто полё,
Розоставил я столы белодубовыя,
Розоставил я вёдра да <'> зеленым вином,
Розоставил я бадьи да с мёдом сладкиим;
Захотелось мне-ка съездить за ёхвотою,
Написал я ерлык да скору грамоту:
„Кабы хто нынцe в моём шатре попьёт-поес,
Как попьёт-де, поес, право, покушает,
Не уехать живому из чиста поля“».
Говорит им стар казак да Илья Муромец:
«Те спасибо нонь, Дунай да сын Ивановиць,
Не оставляшь свой шатёр без угроз ты молодецких,
Те спасибо, Добрынюшка Микитич млад,
Не боишься ты угроз да молодецких».

(Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. 1902 г., сел. Замежное (Замег) Усть-Цилемской вол. (на р. Пижме) — от Осташова Анкудина Ефимовича, 78 лет.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.